

О В.И. СТЕПАНОВЕ – РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ

М.Н. Малеев,

Национальный музей «Земля и люди», София, Болгария,
maleevm@abv.bg

За девять лет моей учебы в МГУ у меня было много прекрасных преподавателей, и я познакомился с многими исследователями из других институтов, к которым испытываю неизменную благодарность, но Виктор Иванович Степанов стоит на особом месте. Он был моим «раде», духовную связь с которым я сохраняю до сих пор. Мне думается, что значение В.И. будет всё больше и больше осознаваться по мере осмысливания его коллекции и жизненного пути, что его личность будет еще многие годы привлекать интерес исследователей, и надо по крупицам собирать всё об этом человеке. В сегодняшнее время идейного хаоса и во многом духовной растерянности общества В.И. может служить нравственным идеалом не только для минералогов и музейных работников. Столь категорическое суждение, граничащее с превозношением, основано на попытке понять, что же стояло за мыслями и поступками В.И. В.И. был духовно свободным человеком с четко выработанными мировоззрением и жизненными ценностями. У него было, наверное, на генетическом уровне заложено «чувство камня», которое он развивал и обогащал знаниями и умениями всю жизнь. Он понимал смысл камня глубже своих современников и при этом ощущал ответственность перед последующими поколениями, ставил интересы общества выше своих личных. Принципиальность и критичность сочетались в нем с благородством и великодушием. В.И. видел в созидательном творческом труде высшую ценность, обладал исключительной работоспособностью и самоотверженностью. Этот человек имел особый склад ума, позволяющий сравнивать несравнимое, различать неразличимое, находить нетрадиционные решения. Он соответствовал будущему обществу нравственного разума, называемому сегодня обществом устойчивого развития.

За многие годы общения накопилось множество воспоминаний, среди которых можно выделить самые яркие, так или иначе связанные с отдельными сторонами его жизни.

В.И. Степанов и минералы. Все стороны общения с камнями В.И. осмысливал и осуществлял по-своему, по-степановски. Так, он разыскивал по крупицам сведения в литературе о находках минералов, детально изучал этикетки старых образцов в коллекциях, систематизировал сведения о местонахождениях минералов. Этим путем им было открыто Голутвинское месторождение агатов под Москвой. Я имел радость быть свидетелем акта этого открытия в октябре 1960 года. В.И. нашел в работе Ф.А. Николаевского «Минералогия Московской губернии» (1912) сведения о халцедоне у деревни Протопопово на берегу Оки. Находка образца из этого места в фондах Минералогического музея имени А.Е. Ферсмана предопределила поездку В.И. со студентами-второкурсниками Геолфака МГУ. Большинство из них – Ю. Егоров-Тисменко, Л. Безлепкина, Ю. Алехин, К. Скрипко до этого прошли школьный кружок под руководством Р. Зезина. Старый карьер был затоплен и окружен забором, но на противоположном берегу Оки виднелись новые отвалы. Мы перебрались на лодке на другой берег, протопали около километра, и за отвалами открылся нашим глазам действующий карьер Щуровского цементного завода. С одними геологическими молотками было невозможно справиться с глыбами, но кое-что мы добыли – почковидный и полосчатый халцедон. Через неделю Юра Егоров-Тисменко принес на занятия отполированный срез халцедон-кварцевого агата размером с пачку сигарет. Я онемел от восторга, когда Юра разрешил подержать этот камень. Мне показалось, что ничего более прекрасного я никогда в руках не держал. С этого момента я «повенчался» с Голутвином, а благороднейший Юра оставил этот первый голутвинский агат у меня навсегда. В течение семи лет Приокский карьер был нашим с В.И. любимым местом Подмосковья. В какой-то момент В.И. заинтересовался и рисунчатými кремнями Голутвина. Он их зарисовывал цветными карандашами и не хотел фотографировать, считая, что на рисунке лучше можно передать идею, планировал обсудить свои мысли по поводу кремней с академиком Н.М. Страховым. Таких зарисовок на толстых листах альбома для рисования я помню больше дюжины.

В.И. делал всё то, что считал наполненным смыслом, с большим увлечением и полной самоотдачей, творчески. Это можно сказать о любой его работе с минералами. Вспоминаю, как он, часами вдыхая пары иодистого метилена, отбирал под лупой будущий новый минерал тихоненковит в чашке Петри с иммерсионной жидкостью, чтобы отличать его от

сопутствующего флюорита. Текстуры сульфидных агрегатов в больших распиленных штуфах В.И. изучал не в полировках, а на покрытых лаком образцах после обдирки на грубом порошке, причем столярный лак наносил обязательно пальцем. Был у него период энтузиазма в работе по макросъемке минералов со вспышкой в темноте, и он любил показывать свои достижения и делиться опытом.

С удовольствием делился В.И. своим опытом полевой работы на отвалах: «Не надо ковыряться на большой площади. Нужно сразу уходить как можно глубже и отрабатывать глубокие уровни отвалов...». С заслуженной гордостью рассказывал о своей находке этим способом хиолита в Криолитовой копи в Ильменах. Большую популярность у полевых минералогов и у коллекционеров получил «гребок Степанова», специально сконструированный им инструмент для «разделки» отвалов.

В.И. регулярно проводил по полдня в библиотеке Института геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН (ИГЕМа), просматривал всю периодику, после поля наверстывал упущенное. Очень компетентно «заслуживал» он авторские образцы — обсуждал текст статьи с автором, давал рекомендации, что еще можно ожидать в ассоциации с описанными минералами. Помню, перед моей поездкой на каникулы в Болгарию поручил попросить для него беегерит с Радки у Тодорки Радоновой — его однокурсницы по учебе во МГРИ.

В последние годы жизни В.И. выработал исключительное умение в препарировании образцов. Из простых камней он делал музейные экспонаты, затрачивая на это многие часы. С превеликим огорчением показывал «производственный брак», когда образец превращался в осколки. У меня он остался в памяти в неизменном черном берете, изучающим минерал с лупой, поворачивающим камень в разные стороны. Его огрубевшие от работы руки держали минералогический образец по-особому; мне казалось, что они сопричастны с камнем и находятся с ним в особых отношениях. Он препарировал маленьким зубильцем, держа его и образец в одной руке.

Для экспрессной рентгеновской диагностики В.И. разработал метод сравнения с эталонными дебаграммами и создал уникальную их подборку. Расчет химических формул минералов был для него исследовательским методом. В.И. пересчитывал опубликованные химические анализы интересующих его минералов, находил ошибки. У него была совместная работа с И.Д. Борнеман–Старынкевич о химической формуле монтмориллонита. В.И. прилагал большие усилия, чтобы «заполучить» для работ со своими образцами выдающихся аналитиков (вспоминаются фамилии В.А. Молевой и А.В. Быковой) из знаменитой химической лаборатории ИГЕМа, руководимой И.Д. Борнеман–Старынкевич. Он обсуждал на профессиональном уровне с химиком-аналитиком, работающим с его минералом, ход мокрого химического анализа и высказывал свои предложения.

С большим вниманием В.И. относился к этикеткам, какими всегда сопровождалась в том числе и полученные от него образцы. Вспоминаю, как показывал он подробнейшие этикетки, которые за весь рабочий день сделал в Музее имени Ферсмана. Их количество казалось удручающе малым — около 10, но компенсировалось качеством. В.И. считал, что стоит просматривать любые выброшенные образцы. На свалке Бюро минералов, существовавшего при том же Музее, он откопал лучший в мире для того времени экземпляр щербаковита, который затем передал в Музей. Настоящим подвигом можно считать систематическую работу В.И. с подлежащими перемещению на свалку рабочими коллекциями сотрудников московских геологических институтов. Героические ночи проводил В.И. в подвалах с вырубленным электричеством, разбирая при свете карбидки ящики с коллекциями К.А. Власова и Е.И. Кутуковой из Изумрудных копей Урала, Е.Б. Халезовой из Вишневых гор, А.П. Калиты из Карелии. Чего здесь только не было, с этикетками и без, в мешочках — изумруды, берилл, холмквистит, апатит, фенакит, циркон, гиацинты, гадолинит... Я самоотверженно помогал и чувствовал себя, как на войне: ведь через два дня начнут копать котлован для гостиницы и бульдозерами отправят все на свалку.

Как и любой коллекционер, В.И. любил показывать результаты своих трудов — новые находки после поля, результаты препарирования. Вспоминается, с каким удовлетворением он демонстрировал маленькую экспозицию новых минералов, открытых сотрудниками ИМГРЭ, которую он сделал в кабинете директора Института. Меня тогда поразило, что В.И. носил «директорский ключ» в кармане и мог приглашать туда «чужих».

По-моему, самой большой радостью, даже счастьем для В.И. было общение с обработанными, систематизированными, разложенными в коробках и лотках или выставленными в витринах коллекциями. С какой удовлетворенностью он их показывал и рассказывал о них, и я представлял себе невообразимый труд, начиная с поиска местонахождения, и кончая этикеткой, который был «спрятан» в каждом образце. Страдал, когда хороший образец оказывался в неквалифицированных, равнодушных руках. Самым счастливым, в эйфорическом состоянии я вспоминаю В.И., когда наконец открылся после многолетнего ремонта экспозиционный зал Музея в 1984 году, перед Международным геологическим конгрессом. В.И. показывал мне тогда результаты колоссального многолетнего труда сотрудников Музея и их много-